

УДК 82-145

*Ф.Р. Газизулина, М.В. Серова***ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА КАК ИЛЛЮЗИЯ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ ПОЗДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА ОТ ОДИНОЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ 1921 ГОДА)**

В статье рассматриваются философские воззрения Велимира Хлебникова, в частности, его философия одиночества. При помощи анализа стихотворений 1921 г. «Самострел любви», «В тот год, когда девушки...» и «Девушки, те, что шагают...» авторы статьи показывают невозможность преодоления одиночества посредством телесной любви, а также дружбы. Данные стихотворения связаны с жизнью поэта, на тот период разочаровавшегося в прежних товарищах-футуристах и уже тяжело больного. На примере этих текстов доказано, что в женщине он видит гибельную для мужчины сущность. Поэт уподобляет её смерти и выступает против агрессивности противоположного пола и против самой смерти. Вместе с тем, в стихотворении «В тот год, когда девушки...» Хлебников преодолевает телесную немощ, покинутость и душевное одиночество при помощи единения с природой и миром. Для обнаружения мировоззренческих принципов поэта были задействованы герменевтический, историко-литературный, биографический и мотивный подходы. Результаты статьи могут быть значимы в разработке дополнений к курсу «История русской литературы Серебряного века», касающихся как Хлебникова и футуристов, так и всей философской базы мировоззрения поэтов того времени.

Ключевые слова: Серебряный век, русская поэзия, одиночество, пол и гендер, художественная философия.

Любовь – амбивалентное чувство, не только созидательное, помогающее человеку преодолеть одиночество, но и разрушительное. Это хорошо осознавал Велимир Хлебников, что мы увидим на примере цикла стихотворений с единым идейным центром – мыслью о губительности и гибельности любовного чувства. В этот цикл мы включили следующие стихотворения: «Самострел любви» (25 января 1921), «В тот год, когда девушки...» (7 ноября 1921) и «Девушки, те, что шагают...» (1921). Данные тексты объединены и годом написания, что является важным, так как отсылает читателя к контексту жизни поэта.

Обратимся к толкованию первого стихотворения:

Хотите ли вы
Стать для меня род тетивы?
Из ваших кос крученых
На лук ресниц, в концах печеный,
Меня стрелой нате,
И я умчусь грозы пернатей!

25 января 1921

На первый взгляд, любовь, изобретенная в произведении «Самострел любви» кажется гармоничной. Героиня – тетива для лирического героя-стрелы, и их союз и есть «самострел любви». Она помогает ему попасть точно в цель – эту метафору можно понимать как то, что женщина оказывает мужчине помощь, поддерживает его начинания, то есть выступает в традиционной для себя роли.

Но всё оказывается не столь просто.

Обратим внимание на небольшую деталь, косы героини – крученые. Очевидно, что возникает созвучие с фамилией Алексея Кручёных. Этот поэт-футурист был другом Хлебникова и даже его со-автором, также пропагандировал и заумь. Каковы были отношения поэтов в 1921 г.? Заметим, прежде всего, что в 1921 г. Хлебников пишет стихотворение «Крученых». Приведём отрывок из него:

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чёных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.

1921

Как отзывается о созданном в этом стихотворении образе Крученых одна из самых авторитетных биографов Вел. Хлебникова С.В. Старкина: «Характеристика не очень лестная» [13. С. 227]. Отношения между приехавшим в конце 1920 г. в Баку Хлебниковым и жившим там уже с 1919 г. Крученых заметно охладели, хотя, как замечает исследователь, «По инерции они продолжали считаться друзьями» [13. С. 226].

Привлекает внимание обозначение Крученых («лондонский призрак») и упоминание о самоубийстве в последней строке стихотворения. Образ бывшего друга приобретает черты, связанные со смертью: он сам являет собой выходца с «той» стороны, и других людей подталкивает к грани жизни, за которой последует смерть.

Таким образом, скрытое упоминание в тексте фамилии бывшего друга является ключом к его прочтению. Учитывая связанное с ним семантическое поле смерти, особый смысл обретают строки, обнаруженные исследователями в рукописи стихотворения «Самострел любви», которые могут являться возможным его продолжением: «Вы поведете вашей бровью – / И я умчусь к божеств верховью» [15. С. 542]. Героиня, как и Крученых (и даже в большей степени), наделена способностью привлекать смерть и по сути является её персонификацией: одним взглядом бровей она могла бы отправить героя на «небо».

Хлебников же вел неустанную борьбу со смертью и энтропией. Для него первостепенное значение имеет поиск «законов времени», с помощью коих можно было бы узнать будущее и предотвратить массовые войны и кровопролития. К моменту написания стихотворения они уже были обнаружены автором: «Чистые законы времени мною найдены 20 года, когда я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Доброковским, именно 17/XI» [16. С. 9]. Несмотря на исключительную важность, которую он придавал этому открытию, оно практически не вызывало интереса у окружающих, о чём он пишет в письме В.Д. Ермилову от 3 января 1921 г.: «Если люди не захотят научиться моему искусству предвидеть будущее (а это уже случилось в Баку, среди местных людей мысли), я буду обучать ему лошадей. Может быть, государство лошадей окажется более способными учениками, чем государство людей. Лошади будут мне благодарны, у них, кроме езды, будет еще один подсобный заработок: предсказывать людям их судьбу и помогать правительствам, у которых еще есть уши» [16. С. 203].

В это время Хлебников особенно остро чувствует своё одиночество. Его стремление спасти мир и людей оказывается никому ненужным. Но это не означает конца борьбы, он встает на путь противления смерти даже без какой-либо поддержки со стороны. Свою позицию он излагает в письме 1921 г., обращённом к сестре Вере: «Этот год будет годом великой и последней драки со змеем. Все, что в моем сознании: черные ночные окна, дыхание запыхавшихся дров, торопящихся стать золой, – все поднимаю за мою победу над змеем. За это время я выковал дрот для борьбы с ним – это предвидение будущего: у меня есть уравнения звезд, уравнения голоса, уравнения мысли, уравнения рождения и смерти (...) Вся <моя> мрачная правда, что мы живем в мире смерти, до сих пор не брошенной к ногам, как связанный пленник, как покоренный враг, – она заставляет во мне подыматься крови воина “без кавычек”. Да, здесь стоит быть воином. Здесь я не скажу, как сказал недавно, что я не буду “хороводиться с ружьем”, отказываясь освящать своим согласием этот старинный и гнусный обряд» (Там же. С. 200). В этом письме героиня-тетива рассматривается как помощник-союзник в борьбе со смертью.

Интересно и то, что Хлебников, отличающийся пацифизмом, оправдал войну, так как это «война против войны», антивойна. Он поддерживает наступательное движение, которое находит отражение в названиях метафорического, духовного оружия против врага-смерти: дрот (предвидение будущего), ружье и «всё, что в его сознании». Борьба героя со змием имеет множество аналогий, важнейшей из которых является аналогия с Георгием Победоносцем, одним из ключевых святых в православии. Змей – выражение самой сути зла, корень которой Хлебников видел в смерти.

Герой Хлебникова – «один в поле воин», он готов бросить вызов смерти. Указание на это можем найти и в междометии «нате», которым он пользуется в стихотворении. Оно имеет потенциальную повелительную интонацию и отсылает нас к стихотворению В. Маяковского “Нате!” (1913) [8. С. 56], где лирический герой также взывает к борьбе, но с другим мировым злом – классовым неравенством.

Амбивалентность героини, то представляющейся единомышленницей лирического героя, то – его главным врагом, служит причиной того, что он чувствует неизбежную двойственность любви. Эта двойственность коренится в сущности женской природы: женщина и воплощение первородного греха – Ева, и в то же время Богородица, святая мать, мать-земля, «Прекрасная дама».

Чтобы глубже понять природу подобной противоречивой любви рассмотрим символический уровень стихотворения. Здесь необходимо выделить два основных смыслообразующих центра: символы, связанные со стрелой (луком), и символы, связанные с грозой.

Лук – оружие, связанное с насилием, войной, охотой, порождает представление человека о смерти. В «Энциклопедии символов» Ганс Бидерманн писал: «В качестве “обрезающей жизни” изображается коса (серп) смерти, иногда она носит также лук и стрелы как смертельное оружие (...) В руках скелетов стрела и лук становятся символами смерти, как в Откровении Иоанна Богослова, где их несет всадник на белом коне» [2. С. 261]. Таким образом, гибельное начало любви в очередной раз подчеркивается автором: самострел любви уничтожает того, кто любит. Усиливается это значение в связи с еще одним пониманием лука как атрибутивного предмета греческого бога Эроta: его стрелы не только «ранят» любовью, но и рожают сексуальное желание. Традиция подобного освещения легла в основу и более позднего восприятия. Так Биддерманн замечает, что стрела как символ закрепила в психоанализе: это то, что пронзает, являясь «выражением “фаллического садизма”» [2. С. 262]. Это сугубо телесное понимание любви как вожделения было чуждо Хлебникову, его лирический герой воспринимает внесение эротического в отношения людей как развращение любви и высокого понимания этого чувства. Поэтому важен взгляд на лук, как на предмет, отражающий духовные устремления. Если лук направлен в небо, он означает нравственный поиск, поиск духовной истины. Стрелы свои может посылать не только человек или сладострастный Эрот – их посылает и Бог своим избранныкам на земле – святым: «...стрелы экстаической Божьей любви пронзают человеческое сердце (Тереза Авильская, св. Августин)» [2. С. 261]. Немалую роль играет и то, что рана Иисуса от копья и его предсмертные муки на ассоциативном уровне также сближаются с сердцем человека, которое поразила стрела Эроta. Муки любви вступают в тесную связь с муками Спасителя, отдавшего свою жизнь другим людям. Именно такая жертвенная любовь не к одной определённой женщине, а ко всем людям, по мнению Хлебникова, и является истинной. Поэтому он сам является одиноким воином, борющимся против смерти ради спасения других.

Перейдем далее к интерпретации символов грозы. «И я умчусь грозы пернатей», – в этих словах поэт связывает грозу с чем-то небесным, птичьим, способным к полёту. Интересно, что оперение имеют и стрелы. Вместе с оперением стреле передавались качества птицы, столь необходимые для легкости и высокой скорости. Быстроту стрелы («быстрый как стрела») можно уподобить мгновенности молнии или грозы. Гроза же издревле отождествляется человеком с небесными богами (Зевсом, Тором и др.), являясь выражением их гнева или буйного веселья. И лирический герой, желающий стать грозой, реализует устойчивый для творчества позднего Хлебникова взгляд на самого себя, как на отверженного пророка. Если люди не слушают его как простого человека, то нужно сделаться грозой и громогласно слать свои предсказания с неба, и тогда им внемлют. Схожую концепцию мы находим в буддизме, где в манускриптах изображается особый «алмазный скипетр» (ваджра), обладающий громовой силой, который призван «расщепить незнание (невежество) и освободить познание» [2. С. 64]. Гроза, таким образом, является и символом духовного прозрения, способности видеть «законы времени», а значит и законы жизни/смерти/истории.

На примере данного стихотворения мы увидели закономерности изображения Хлебниковым дихотомической природы любви, способной как возвысить, так и убить человека. Кроме того, была выявлена органическая для творчества поэта связь его любовных переживаний с главной работой его жизни: вычислением и пропагандированием законов времени, борьбой со смертью.

В другом стихотворении «В тот год, когда девушки...» можно наблюдать одно из общих мест поздней поэзии Хлебникова – изгнание героя, не совпадающего со стандартами толпы. Толпа, однако, здесь персонифицирована и представлена девушками:

В тот год, когда девушки
Впервые прозвали меня стариком
И говорили мне «дедушка», вслух презирая,
Оскорбленного за тело, отнюдь не стыдливо
Поданного, но не съеденного блюда,
Руками длинных ночей
В лечилицах здоровья,
В этом я ручье нарзана

Облил тело свое,
Возмужал и окреп
И собрал себя воедино.
Жилы появились на руке,
Стала шире грудь,
Борода моя шелковистая
Шею закрывала.

7 ноября 1921

Интересна здесь и гастрономическая метафора тела, приравненного лирическим героем к блюду, отдаваемому им на «съедение». И в этом неэгоистичном стремлении отдать себя кому-то другому нельзя не отметить рыцарского служения женщине, которое, тем не менее, не достигает своей цели – обретения её благосклонности. Причем сам он этого «блюда» не стыдится, но девушки отказываются от него. Их, гендерных противоположностей, унижительные оценки особенно болезненны для героя, так как исключают взаимность и обретение любви как выхода из одиночества.

Но гораздо более важно то, что это стихотворение, написанное Хлебниковым за два дня до своего тридцатилетия и за полгода до смерти, содержит в сознании автором своего возраста: мужчина средних лет чувствует себя стариком. И обращение девушек к нему как к «дедушке», неуважительное, по сути дела, оскорбительное, хотя и вызывает в нём обиду, но отражает реальное положение дел.

Причиной женского презрения становится телесная немощь. Последнее имеет биографическую основу. Болезненное состояние лирического героя соотносимо с самочувствием самого Хлебникова в 1921 г., когда голод и нищета царили не только в Поволжье, но и на юге России, где он пребывал. На обездоленность поэта в данный период указывает в своих воспоминаниях «Поэт на Кавказе» Ольга Самородова, описывая его жизнь в Железноводске, где хозяйка дома нередко осуждала его за физическую слабость: «И не стыдно!... Добро бы доктором был или инженером, а то бо-звать что, – так, блаженный какой-то!..» А он в ответ с готовностью подтвердил: «Да, меня еще в гимназии называли блаженным» [11]. Несмотря на кажущееся спокойствие, с которым поэт принимал упрёки, они не могли не затронуть его самолюбия: он воспринимал это как презрение («вслух презирая»), как оскорбление («оскорблённого за тело»).

В середине октября Хлебников всё же ушёл из дома Самородовых, чтобы устроиться на работу ночного сторожа в Терросту (Терскую Росту) Пятигорска. Уходя, он попрощался не только с людьми, но и с нарзанным источником, который находился в лесу неподалёку. Этот факт прощания с природным как с живым, равным себе существом органично вписывается в натурфилософскую концепцию поэта. Источник этот, дававший ему духовные силы и вдохновлявший его, является одним из прообразов «ручья нарзана» в рассматриваемом стихотворении.

Не зря лирический герой упоминает и о «лечилицах здоровья». Лечилица – одно из позднейших словотворческих нововведений Хлебникова, созвучное лечебнице и сложенное из двух слов «лечи» + «лица». Очевидно, что автор делал упор не только на процесс лечения, но и на результат для «лиц», которым оно оказано. Он сам ожидал улучшения физического состояния: жил в одном из разрушенных санаториев. Самородовым обещал уйти на лечение в больницу, отцу, Владимиру Алексеевичу, осенью 1921 г. писал, фальшиво преувеличивая собретенное благополучие: «Пятигорск удобен тем, что здесь при заболевании всегда можно лечь в лечебницу» [16. С. 210]. Однако ни одна больница не могла помочь поэту, о чём вспоминает его знакомый по Терросте Д. Козлов: «Так как у него сильно опухли от ревматизма ноги, то его сейчас же удалось устроить на амбулаторное лечение в Кавминвод, а через полтора месяца поместить в одну из лечебниц Пятигорска. Хуже обстояло с пищей. (...) На улицах стали уже подбирать умерших от голода, сначала беспризорных детей, потом и взрослых. Хлебников понимал ответственность момента и пытался уверить, что он всем доволен, что о лучшем положении не мечтал никогда в жизни» [4]. В это же время он написал и опубликовал стихотворение «Голод», призывающее помочь голодающим не Терека, а Поволжья, где дела обстояли еще хуже. Курс лечения он всё же не окончил и в конце ноября больным отправился в Москву с тем, чтобы там опубликовать свои произведения, прежде всего, «Доски судьбы» и «Зангези».

Сила духа позволила Хлебникову превозмочь свою физическую немощь, что переадресовывалось в стихотворении лирическому герою: «Время испытаний для меня кончилось: одно время я ослаб до того, что едва мог перейти улицу и ходил, шатаясь, бледный как мертвец. Теперь я окреп, ско-

ро стану силен, могуч и буду потрясать вселенную» [16. С. 211]. Именно таким, возмужавшим и окрепшим, Хлебников хотел видеть себя. В стихотворении причиной преобразования лирического героя является женское презрение, которому он противопоставит. Но есть еще одна причина, по которой лирическому герою нужны силы: стремление нести в массы открытый им закон цикличности времени. И, как уже было сказано при анализе стихотворения «Самострел любви», Хлебников одинок, значит, поддержку ему приходится искать не в людях, а в окружающем мире и в самом себе.

Преодоление лирическим героем слабости и одиночества необычайно схоже со сверхчеловеческим преодолением, путь которого проделывает герой другого его стихотворения – «Я вышел юношей один...» [15. С. 284]. Мысль Ницше о преодолении человека в России зачастую трактовалась как коллективное преобразование. Но Хлебников, в отличие от своих литературных собратьев, понимал, что этот труд нужно и возможно начинать только с себя, поэтому герой стихотворения «Я вышел юношей один...» при помощи ритуала хочет победить своё одиночество, в котором он видит нецелесообразность человеческой природы, её ущербность. Размножая себя в себе самом, он превращает «я» в «Мы».

Лирический герой в стихотворении «В тот год, когда девушки...» «собрал себя воедино». Он преодолевает своё одиночество в уединении ночи, и его друг и помощник – только целебный ручей. Нарзан не просто символ одухотворённой природы, но и в некотором роде уподоблен живой воде, которая оживляет сказочного героя, из «дедушки» превращает его в волшебного богатыря с жилами на руке, широкой грудью и длинной бородой. Выздоровление героя, благодаря лечебному источнику нарзана – метафора, которую можно истолковать как самостоятельное излечение человека от одиночества при нахождении им гармонии с самим собой и миром.

В третьем стихотворении выделенного нами цикла «Девушки, те, что шагают...» также описывается любовь как антиномичное чувство:

Девушки, те, что шагают
Сапогами черных глаз
По цветам моего сердца.
Девушки, опустившие копыя
На озера своих ресниц.
Девушки, моющие ноги
В озере моих слов.

1921

Девушки становятся одним из главных образов в стихотворениях Хлебникова 1921 г. Важно их множественное число, а не выделение одной единственной. Они занимают «сердце» поэта, его чувства и душу, отражаются в творчестве. Примером гармоничных отношений с противоположным полом в этот период жизни Хлебникова является платоническая любовь к Юлии Самородовой, которой посвящены стихотворения «Золотистые волосики...» [15. С. 217] и «Детуся, если устали глаза быть широкими...» [15. С. 219]. Но остро ощущает поэт и деструктивное воздействие, которое способна оказать женщина на мужчину: тяга к любви всегда в некотором роде тяга к саморазрушению, смерти (что мы проследили на примере стихотворения «Самострела любви»). Таким образом, любовь как естественный выход из одиночества осознаётся таковым в единственном случае – в её идеальном, гармоническом срезе при наличии духовного единства влюблённых.

Стихотворение «Девушки, те, что шагают...» дает повод сделать вывод о мускулизации женщин. Во многом этому послужила революция, дававшая равные права женщинам и мужчинам. В стихотворении девушки приравниваются к солдатам, так как носят чёрные сапоги и у них есть оружие. Девушки, словно амазонки, отправляются на войну, вышагивая марш и пуская копыя. И воевать они идут против лирического героя. Деструктивная ипостась, изначально свойственная мужскому полу, переходит к женщине и даёт ей шанс уничтожить мужское, как ставшее теперь ненужным. Но эта война-любовь, конечно, изображена в метафорическом свете как сильный, болезненный след, который может оставить женщина в сердце и творчестве поэта.

Всё разрушительное в ней обличено в самые прекрасные черты: беспощадные солдатские сапоги, готовые растоптать «цветы» сердца. В женских глазах – власть над мужчиной, в «озёрах их ресниц», которые сравниваются с копыями, можно утонуть. Притом глаза чёрные – «дурные», злые и магические. А выбор копыя в качестве оружия вызывает ассоциацию с копьём Лонгина, некогда пронзившим Иисуса. И сам герой в некотором смысле ему уподоблен, когда девушки «вытирают ноги» об

него, а он лишь услужливо омывает их своими словами-стихами. Интересно, что омовение ног, не только знак смирения, подобный поступку Христа, омывающего ноги своим ученикам, но и стремление духовно очистить женщину (ср. с ритуалом омовения перед молитвой в исламе – тахарату).

Во внешней красоте женщины сокрыта её власть над мужчиной, для которого увлечение только плотским несёт смерть. Хлебников же восставал против любой угнетающей власти, и это скрытым образом находит отражение в стихотворении. Так, любопытна возникающая в тексте параллель с одним из его писем начала 1921 г.: «Господин Сапог, если таковой найдется, провозглашает: “Я Сапог. Внимайте и покоряйтесь, языци, яко я Сапог”. А на меня нашла причуда, такая махонькая, махонькая – стать гвоздем для этого сапога. Пусть хоть маленькой дырочкой на сапоге» [16. С. 203]. Сапог был устойчивым образом, который Хлебников ассоциировал с властью, а сам же он хотел быть освободителем людей от неё, от притеснения и зла мира. Поэтому и любовь, основанную на физическом влечении, привязанную к полу, он считал губительной. Такая любовь ведёт лишь к конфронтации противоположностей мужского и женского, маскулинного и феминного.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в мировоззрении Хлебникова намечаются два гармонических способа победы над одиночеством: это осознание себя как существа, неразрывно связанного с природным началом, а, посредством него, и со всем миром («В тот год, когда девушки...») и духовное сроднение с другим(и) человеком/людьми («Золотистые волосики...», «Детуся, если устали глаза быть широкими...»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арлаускайте Н. Филологическая мистагогия: нить Велимира Хлебникова. [Электронный ресурс]. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/na_mistagog.htm. (Дата обращения: 11.06.2018).
2. Биддерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990. 352 с.
4. Козлов Д. Новое о Велимире Хлебникове [Электронный ресурс]. URL: <https://ka2.ru/hadisy/kozlov.html> (Дата обращения: 11.06.2018).
5. Компанеец В., Степаненко К. Теоретико-методологические аспекты восприятия идей Ф. Ницше в России (на примере творчества кубофутуристов) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. Сер. 8. Выпуск № 9. С. 29-37.
6. Компанеец В., Степаненко К. Философия Фридриха Ницше и русский футуризм // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008. Серия 8. Выпуск № 7. С. 23-27.
7. Кравец В.В. Разговор о Хлебникове: с приложением “Изборника” 1914 г. Киев: РВЦ Проза, 1998. 286 с.
8. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955-1961. Т. 1. М., 1955. 464 с.
9. Пашкин Д. Философия текста. Русский Танатос. Концепция <победы над смертью> В. Хлебникова: художественное напряжение и методы разрешения. URL: <http://www.topos.ru/article/306> (Дата обращения: 11.06.2018).
10. Поляков М. Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика // Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 5-35.
11. Самородова О. Поэт на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <https://ka2.ru/hadisy/olga.html> (Дата обращения: 11.06.2018).
12. Семенова С.Г. Николай Федоров: творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990. 383 с.
13. Старкина С.В. Велимир Хлебников. М.: Молодая гвардия, 2007. 339 с.
14. Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1975. 280 с.
15. Хлебников В. Собрание сочинений в 6 т. (7 кн.) / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: Наследие, 2001. Т. 2. 608 с.
16. Хлебников В. Собрание сочинений в 6 т. (7 кн.) / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: Наследие, 2006. Т. 6 (2). 384 с.

Поступила в редакцию 10.08.2018

Газизулина Фарида Руслановна, студентка

E-mail: farida0812@gmail.com

Серова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор

E-mail: serova1967@inbox.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Институт языка и литературы

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

F.R. Gazizulina, M.V. Serova

LOVE AND FRIENDSHIP AS ILLUSION OF SAVING FROM LONELINESS FOR HERO OF VELIMIR KHLBNIKOV'S LATER POEMS (ON 1921'S LYRIC POETRY)

The article deals with philosophical views of Velimir Khlebnikov, in particular, with his philosophy of loneliness. By analysis of 1921's poems "The crossbow of love", "The year the girls first called me "Gramps"" and "Girls, who stepping" the authors of the article show impossibility of overcoming loneliness by physical love and friendship. These poems are connected with poet's life at the time when he was disappointed in former comrades-futurists and was already seriously ill. These poems proved that the author saw in a woman her disastrous influence on men. Poet compares her with death and opposes aggression of opposite sex and death itself. At the same time, in the poem "The year the girls first called me "Gramps"" Khlebnikov overcomes physical weakness, abandonment and soul loneliness by unity with world and nature. In discovering the worldview principles of the poet hermeneutic, historical-literary, biographical, motive methods were used. The results of the article can be significant in the development of additions to the course "History of Russian literature of the Silver Age", which is connected with Khlebnikov and other futurists and the whole philosophical base for worldviews of the Silver Age's poets.

Keywords: Silver Age, Russian poetry, loneliness, sex and gender, artistic philosophy.

REFERENCES

1. Arlauskayte N. Filologicheskaya mistagogiya: nit' Velimira Khlebnikova. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/na_mistagog.htm. (Accessed 11.06.2018). (In Russian).
2. Bidderman G. Entsiklopediya simvolov. M.: Respublika, 1996. 335 s. (In Russian).
3. Duganov R.V. Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva. M.: Sovetskiy pisatel', 1990. 352 s. (In Russian).
4. Kozlov D. Novoye o Velimire Khlebnikove. URL: <https://ka2.ru/hadisy/kozlov.html>. (Accessed: 11.06.2018). (In Russian).
5. Kompaneyets V., Stepanenko K. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty vospriyatiya idey F. Nitshe v Rossii (na primere tvorchestva kubofuturistov) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Seriya 8. Vypusk № 9. S. 29-37. (In Russian).
6. Kompaneyets V., Stepanenko K. Filosofiya Fridrikha Nitshe i russkiy futurizm // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. Seriya 8. Vypusk № 7. S. 23-27. (In Russian).
7. Kravets V.V. Razgovor o Khlebnikove: s prilozheniyem "Izbornika" 1914 g. Kiyev: RVTS Proza, 1998. 286 s. (In Russian).
8. Mayakovskiy V.V. Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t. M.: Goslitizdat, 1955-1961. T. 1. M., 1955. 464 s.
9. Pashkin D. Filosofiya teksta. Russkiy Tanatos. Kontsepsiya <pobedy nad smert'yu> V. Khlebnikova: khudozhestvennoye napryazheniye i metody razresheniya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.topos.ru/article/306>. (Accessed: 11.06.2018). (In Russian).
10. Polyakov M. Velimir Khlebnikov. Mirovozzreniye i poetika // Khlebnikov V. Tvoreniya. M.: Sovetskiy pisatel', 1986. S. 5-35. (In Russian).
11. Samorodova O. Poet na Kavkaze [Elektronnyy resurs]. URL: <https://ka2.ru/hadisy/olga.html>. (Accessed: 11.06.2018). (In Russian).
12. Semenova S. G. Nikolay Fedorov: tvorchestvo zhizni. M.: Sovetskiy pisatel', 1990. 383 s. (In Russian).
13. Starkina S.V. Velimir Khlebnikov. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 339 s. (In Russian).
14. Stepanov N.L. Velimir Khlebnikov: zhizn' i tvorchestvo. M.: Sovetskiy pisatel', 1975. 280 s. (In Russian).
15. Khlebnikov V. Sobraniye sochineniy v 6 t. (7 kn.) / pod obshch. red. R.V. Duganova. M.: Naslediye, 2001. T. 2. 608 s. (In Russian).
16. Khlebnikov V. Sobraniye sochineniy v 6 t. (7 kn.) / pod obshch. red. R.V. Duganova. M.: Naslediye, 2006. T. 6 (2). 384 s. (In Russian).

Received 10.08.2018

Gazizulina F.R., student

E-mail: farida0812@gmail.com

Serova M.V., Doctor of Philology, Professor

E-mail: serova1967@inbox.ru

Udmurt State University, Institute of Language and Literature
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034